

— Большой Папа — это родной дедушка Цзиньцзиня, разве не нормально, что они похожи? Не думай ерунды, — слегка намекнул Нин Жань, специально выделив слово «родной».

К сожалению, Шэнь Босин совсем не воспринял это, выглядел еще более подавленным.

— Да, это нормально, потому что у них кровные узы, поэтому они похожи.

Нин Жань подумал: «Он что, зашел в тупик?»

— Жаньжань, ты ведь уходишь от меня? — Взгляд Шэнь Босина, обращенный к Нин Жаню, выдавал отчаяние и боль. — Ты собираешься жениться на маме Цзиньцзиня, у вас будет своя семья. Мы... больше никогда не будем вместе.

Он вдруг закрыл лицо руками, голос задрожал.

— Жаньжань, прости, тогда я был слишком импульсивен, не стал слушать твои объяснения и внезапно уехал за границу. Но когда я попытался связаться с тобой, тебя уже не было. Я злился, что ты не захотел первый пойти на примирение, я ведь оставил свои контакты Линь Яню, ты же его знаешь, но ты никогда не обращался к нему. Потом я заупрямился, и в итоге ждал пять лет. Но ты всегда был в моем сердце, я никогда не забывал тебя. Я думал, что у нас еще будет шанс, что мы сможем все наладить, но...

Нин Жань смотрел на слезы, пробивающиеся сквозь пальцы Шэнь Босина, и его глаза покраснели. Сердце сжималось от боли. Этот сильный и уверенный в себе мужчина, которого все считали идеалом, теперь из-за него проявлял такую слабость. Он чувствовал себя ужасно.

Нин Жань подошел и обнял его, позволив ему опустить голову на свою грудь. Он вытер слезы, которые сами собой появились на его лице, и тихо сказал:

— Шэнь Босин, все не так, как ты думаешь. Цзян Вэйвэй — моя двоюродная сестра, у нас кровные узы.

Нин Жань знал, что если он не объяснит все сегодня, его любимый может окончательно сломаться. Он так сильно любил его, зачем тогда мучить друг друга недоразумениями?

В этот момент Шэнь Босин поднял голову и растерянно посмотрел на Нин Жана.

Нин Жань взглянул на его лицо, испачканное слезами и соплями, и вдруг не смог сдержать смех.

Он хотел повернуться, чтобы взять салфетки, но Шэнь Босин подумал, что он уходит, и крепко обхватил его сильными руками.

— Не уходи.

— Я не уйду, я беру салфетки, чтобы вытереть тебе лицо, — успокоил его Нин Жань.

Шэнь Босин немного смутился, взял салфетки, которые протянул ему Нин Жань, и вытер лицо. Затем спросил:

— Что ты имел в виду?

Нин Жань решил подшутить над ним, постучав пальцем по своему лицу.

— Ну и взрослый, а плачет, как ребенок. Даже твой сын Цзиньцин не плачет.

— Ну... просто было слишком больно. Как только подумал, что ты женишься на другой женщине, сердце сжималось. Очень больно, как будто нож в сердце, — покраснев, сказал Шэнь Босин. — Если ты не пойдешь к маме Цзиньциня, я буду любить его, как родного сына.

Нин Жань рассмеялся.

— Цзиньцин и так твой родной сын.

— Что? — Шэнь Босин поднял голову. — Я знаю, Цзиньцин теперь мой родной сын.

— Дурак, — Нин Жань ткнул его в лоб, затем повернул его лицо к себе и серьезно сказал. — Слушай внимательно. Цзиньцин — мой сын. Я родился от моего отца и Цзян Лефэна, поэтому Цзиньцин похож на Большого Папу.

Он посмотрел на Шэнь Босина.

— Цзиньцин должен быть твоим сыном, я родил его для тебя.

Нин Жань больше не хотел скрывать, он был действительно тронут. Мужчина, который готов принять его, даже если думает, что он изменил и завел ребенка, действительно любит его до безумия. Он всегда думал, что любит Шэнь Босина больше, чем тот любит его. Но теперь понял, что его любовь далека от любви Шэнь Босина.

Шэнь Босин был в полном замешательстве.

— Цзиньцин — мой сын, которого ты родил? — Он внимательно посмотрел на Нин Жана. — Как ты мог родить ребенка, ты что, женщина?

— Ты сам женщина! — Нин Жань сильно шлепнул Шэнь Босина. — Кто сказал, что мужчины не могут рожать? Мой отец ведь тоже родил меня, у нас с ним особое телосложение, разве нет?

Он увидел, что Шэнь Босин все еще не понимает, и объяснил, что у людей из племени Ваньюэ особое телосложение, и пиньжэнь могут рожать детей. Он и его отец — пиньжэнь.

Шэнь Босин наконец понял. Он вспомнил, как Нин Жань говорил, что у Цзиньциня нет мамы, и как Цзиньцин однажды сказал: «Я родился от моего папы». Тогда он не вдавался в подробности, но теперь понял, что его Жаньжэнь действительно уникален, раз может даже рожать детей.

Шэнь Босин вдруг засмеялся.

— Значит, ты не изменял мне с другой женщиной, Цзиньцин — наш ребенок. Я ведь знал, что ты не мог изменить...

Теперь он готов был кричать от радости, такой неожиданной была эта новость.

Нин Жань посмотрел на Шэнь Босина с видом, будто тот сошел с ума.

Нин Жань сказал:

— Если не веришь, можешь сделать тест на отцовство.

Шэнь Босин вдруг взял его за руку.

— Нет, я верю.

Любимый так верил ему, что Нин Жань был счастлив, но все же сказал правду.

— На самом деле я не совсем уверен, что Цзиньцин твой, это всего лишь предположение, ведь я еще не восстановил память.

— Конечно мой, мы столько раз занимались этим. И Цзиньцин так похож на меня, — с серьезным видом сказал Шэнь Босин.

Нин Жань закатил глаза.

— Разве ты не говорил, что Цзиньцин похож на Цзян Вэйвэй?

— На меня, на меня, он как две капли воды похож на меня, — Шэнь Босин уже смеялся, как дурак. Он был так счастлив.

Нин Жань подумал: «Образ идеального мужчины окончательно разрушен».

— Жаньжань, спасибо тебе, — Шэнь Босин вдруг обнял Нин Жаня. — Жаньжань, давай поженимся. У нас ведь уже есть ребенок, разве не стоит побыстрее устроить свадьбу?

Нин Жань усмехнулся.

— Что, хочешь жениться из-за ребенка?

— Конечно нет, — возразил Шэнь Босин. — Я просто хочу жениться на тебе. Только так я смогу быть спокоен, что тебя никто не уведет.

Не дожидаясь ответа Нин Жаня, Шэнь Босин нашел его губы и начал страстно целовать. Все эти дни он так скучал по Нин Жаню, что сердце болело. Теперь он хотел получить хоть немного компенсации.

— Ммм... — Нин Жань не ожидал этого и был застигнут врасплох.

Разумом он понимал, что должен оттолкнуть Шэнь Босина, но все эти дни, хоть он и выглядел спокойным, внутри страдал. Он любил этого мужчину, скучал по нему. Кто бы ни был виноват в прошлом, он не хотел об этом думать, он просто хотел ценить настоящее.

Итак, как сухой хворост, они обнялись и целовались до потери сознания.

Нин Юйбай приготовил куриный суп с лапшой и поднялся наверх. Он постучал в дверь комнаты Нин Жаня, но ответа не последовало. Постучал еще раз, но снова никто не ответил. Он прислушался, внутри было тихо.

— Кажется, не подрались, и никаких звуков, может, спят? — пробормотал Нин Юйбай.

Он посмотрел на свою лапшу, боясь, что она остынет, и решил просто войти.

Хорошо, дверь была не заперта. Но что он увидел? Его сын сидел на коленях Шэнь Босина, обняв его за шею. А Шэнь Босин крепко держал его сына, и они страстно целовались.

Нин Юйбай почувствовал неловкость. Сколько бы он ни планировал, не ожидал такого. Эти двое даже не подумали запереть дверь.

Нин Юйбай, держа в руках лапшу, не знал, что делать, и просто поставил ее на стол у двери, а затем быстро вышел.

Эти двое, видимо, слишком увлеклись, даже не заметив, что кто-то заходил. Только когда Нин Жань почувствовал, что не может дышать, и понял, что если продолжить, то задохнется, он оттолкнул Шэнь Босина.

— Хватит, дай мне вздохнуть.

Шэнь Босин не остановился, продолжая целовать его щеки, уши, шею, бормоча:

— Жаньжань, я люблю тебя!

— Ммм... — Нин Жань обнял Шэнь Босина за шею, наслаждаясь этим, его глаза закрылись. — Я тоже люблю тебя!

Но когда он краем глаза увидел на столе тарелку с горячей лапшой, он вдруг очнулся и оттолкнул Шэнь Босина.

— Что случилось? — Шэнь Босин был недоволен, он только что хотел уговорить Нин Жаня выйти за него замуж.

Нин Жань указал на лапшу на столе.

<http://bllate.org/book/16793/1564036>